

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ: РИО-ДЕ-ЛА-ПЛАТА¹

Исторически именем Рио-де-ла-Плата обозначались земли, расположенные в юго-восточной части материка Южной Америки, которые были открыты, завоеваны и освоены испанскими мореплавателями, конкистадорами и переселенцами. Они включали в себя обширную равнину (пáмпу) и обрамлявшие ее горные цепи (кордильеры) Анд, а также речные районы тропической сельвы.

По договору Тордесильяс, освященному папской буллой, земли, простиравшиеся на 370 лиг² к западу от Азорских островов, отдавались во владение Португалии, а еще далее к западу от этой зоны — Испании.

В 1516 г. главный лоцман испанской короны Хуан Дías де Солис вошел в обширный эстуарий — дельту Ла-Платы, образованную слиянием рек Паранá и Уругва́й, — который он назвал Пресным морем (Mar Dulce), и вскоре погиб от рук коренных обитателей этих мест. Через три года Фернандо Магеллáн, искавший проход к Южному морю (Тихому океану) и Островам Пряностей, также посетил эти воды, но вскоре покинул их, убедившись, что они — не тот маршрут, который он ожидал найти. Однако водный бассейн Ла-Платы представлял превосходный путь в глубь лежащих за горизонтом земель.

¹ Основываясь на рассказах местных индейцев, испанцы ожидали, что в верховьях реки находится страна «Белого короля» (Перу), где много серебра. Серебро по-испански звучит «плата» (*plata*), отсюда — данное ими название «Серебряная река» (*Río de la Plata*) и более позднее наименование страны — Аргентина («Серебряная»).

² Испанская лига равна примерно 5,5 км.

В 1526 г. англичанин Себастьян Кабот (Кабото) нарушил указания монарха вновь разведать выход к Тихому океану, открытый Магелланом, и провел три года, изучая обширную речную систему южной части континента.

Следующим был Педро де Мендоса, получивший титул первопроходца – «аделантáдо» и поставленный королем во главе экспедиции в составе более полутора тысяч человек, вышедших в море на 11 судах. Он имел поручение пересечь континент, занять 200 лиг тихоокеанского побережья и заложить три города. Корабли пристали к юго-восточной оконечности Ла-Платы, где 2 февраля 1526 г. и было основано первое поселение Пуэрто де Санта Мария де Буэнос-Айрес (Порт Богоматери Добрых Ветров). Встретив сопротивление индейцев, Мендоса перевез оставшихся людей в другое место вверх по реке, а сам убыл в Испанию, но умер во время путешествия. Мендоса оставил вместо себя одного из своих капитанов – Хуана де Айóлу, приказав ему продолжать исследования. Поднявшись вверх по реке Парагвáй, Айóла 15 августа 1536 г. заложил поселение Нуэстра Сеньора де Асунсьóн. Затем он с отрядом углубился в сельву и там погиб. Его сменил Доминго Мартинес де Ирáла, осуществлявший властные полномочия в регионе в течение 20 лет. Он по праву считается патриархом колониальной эпохи.

В 1541 г. оставшиеся жители Буэнос-Айреса были эвакуированы в Асунсьон, который на 80 лет стал центром завоевания указанного края.

Экономической базой освоения новых земель была «энкомьéнда», посредством которой присваивался труд мирных индейцев из племен «тýпи-гуаранí». Испанцам – «энкомендéрос» – поручалось духовно и материально опекать туземцев, давать им работу и прививать христианские ценности, за что они получали большую часть производимого продукта. Там же, где данный ресурс отсутствовал (из-за сопротивления местного населения), конкистадоры не создавали оседлых поселений – этим, в частности, можно объяснить неудачу первого основания Буэнос-Айреса.

Другие городские образования будущей Аргентины возникли вдоль сухопутных маршрутов из Перу и Чили. Первыми в 1543 г. пришли экспедиции из Перу во главе с Диего де Рохáсом и Фран-

сиско де Мендóсой, закончившиеся трагически. Однако уже в 1554 г. посланный из Чили Франсиско де Агйрре основал Сантьяго дель Эстéро. В 1561 г. возникла аудиенсия в Чáркас (Верхнее Перу, будущая Боливия), ставшая центром колонизации северных районов Рио-де-ла-Платы. В том же году заложена Мендóса, в 1562 г. – Сан Хуан, в 1564 г. – Сан Мигель де Тукумáн, в 1582 г. – Сáльта, в 1593 г. – Жужуй. Весь этот район, лежавший у восточных подножий Андских гор и называвшийся Куйо, до 1776 г. входил в генерал-капитанство Чили. Навстречу им двигались испанцы со стороны Атлантики: в 1573 г. основан Санта-Фе, в 1588 г. – Коррьéнтес, в 1591 г. – Ла Рио́ха, позднее получившие названия «прибрежных провинций».

Чтобы обеспечить надежный путь в Испанию (открытый океан позволял обходить Карибское море, где господствовали пираты), центрам колонизации, находившимся во внутренних районах, было объективно необходимо иметь опорный пункт на морском побережье, которым фактически являлось место слияния рек Парана и Уругвай. Попытки восстановить поселение на берегах Ла-Платы предпринимались несколько раз: Хуаном де Матиэнсо и Хуаном Ортисом де Сáрате. Однако только Хуан де Гарáй смог реализовать их замысел, отправившись в 1580 г. из Асунсьона с 80 переселенцами и основав на месте старого новое поселение, которое назвали Порт Святой Троицы Добрых Ветров (сокращенно Буэнос-Айрес). Одним из первых губернаторов Буэнос-Айреса стал креол³ Эрнандáриас де Саавéдра, находившийся у власти в период с 1591 по 1609 г. Уже в 1620 г. Буэнос-Айрес получил статус провинции, отдельной от Парагвая.

Основание Буэнос-Айреса ознаменовало собой завершение первого столетия конкисты, проходившей как процесс образования сети городских поселений. На рубеже XV–XVI веков в регионе существовало 12 городов, ставших впоследствии центрами или столицами 14 провинций будущей Аргентины.

С этого времени и до 1776 г. территория региона Ла-Платы, кроме Парагвая, включала в себя четыре относительно обособленных

³ Креолами называли потомков испанцев, родившихся в Америке.

зоны: провинции Куйо, Тукуман, Буэнос-Айрес и Мисьóнес. В последней находились индейские «реду́кции» или «пуэ́блос», управляемые монахами ордена иезуитов.

Важно отметить, что города, возникшие в пампе, по своему характеру отличались от других поселений конкистадоров – они имели целью хозяйственное освоение территорий силами самих колонистов (аналогично тому, как это происходило в английских колониях в Северной Америке). Их существование основывалось на свободной деятельности переселенцев на слабозаселенных, неосвоенных землях, а не на насильственном принуждении индейцев к труду путем «энкомьенды».

Следующие два столетия колониального периода были, по сути, историей развития городских центров, осуществлявших юрисдикцию над прилежавшими сельскими районами до границ с зонами влияния других городов. Редкое население пампы составляли индейцы кальчакíес, диагíтас, в западных районах – араука́ны, а также вольные скотоводы, пастухи – «гаучо», работавшие в поместьях – «асéндах». Так, влияние Буэнос-Айреса простиралось на 100 лиг к северо-западу (до Кордобы), на 57 лиг на север (до Санта-Фе) до постоянно менявшейся линии границы с индейскими племенами на юге и пересекало Ла-Плату на ее восточный берег (будущая республика Уругвай) до соприкосновения с португальцами, колонизировавшими Бразилию. Ясно, что при такой системе в отношениях между провинциями преобладали местнические интересы, различия и изолированность.

Во главе властной вертикали в городах-провинциях находились губернаторы, назначавшиеся монархом, который часто делегировал свои полномочия вице-королям Перу и аудиенсии в Чаркас. Губернаторы осуществляли административную, военную и судебную власть, как правило, в течение восьми лет. При назначении они давали согласие на *juicio de residencia*, по существу, аудиторскую и юридическую проверку своей деятельности после ухода с занимаемого поста. Нередко их власть оспаривали епископы, которые также назначались королем.

В городах обязательно имелись избиравшиеся органы самоуправления – «кабильдо» во главе с (двумя) главами – «алька́льдами»

и (шестью или более) советниками — «рехидóрами». Сначала весь состав кабиьдо и алькальды менялись ежегодно, затем посты рехидоров были объявлены пожизненными и продавались на торгах королевским казначейством. Должности алькальдов остались выборными.

В конце XVII века «из-за бедности в городе» посты рехидоров в Буэнос-Айресе перестали выставляться на продажу и уходившие советники сами предлагали себе на замену кандидатов, которые затем утверждались губернаторами. Часто губернаторы и их заместители — «тенъентес» (в зависящих от центра провинции поселениях) назначали также и алькальдов «с правом второго голоса». В экстренных случаях кабиьдо имело право созывать собрание горожан (как правило, зажиточных граждан — «весинос»), называвшееся «открытым» городским советом — «кабиьдо абьёрто». Однако решающее слово принадлежало комитету — «хунте», состоявшей из губернатора, казначея и счетовода, представлявших интересы короны.

Главной проблемой для городов была защита удаленных районов и асьенд от вторжения индейцев. Одно из них произошло в 1627 г. в Тукумане и продолжалось 10 лет. После его подавления 200 индейских семей племени «кильмес» были отправлены в Буэнос-Айрес для выполнения различных работ, где основали одноименный район-поселение. В 1735 г. в Буэнос-Айресе для защиты южной границы от индейских набегов было создано милицейское ополчение — «бландёнгес». В провинциях Мисьонес и Коррьентес появились воинские отряды из индейцев гуаранí, которые использовались в борьбе против португальской экспансии.

Второй основной проблемой для жителей города-порта («портеньос») был запрет на осуществление торговых связей с Испанией и другими частями вице-королевства. Монополия Севильи и Лимы на торговлю с колониями, являвшаяся воплощением политики меркантилизма и существовавшая два столетия, препятствовала хозяйственному развитию региона. Иногда Буэнос-Айресу разрешали продавать свои товары в метрополию, Бразилию и Анголу, но это были краткосрочные исключения и концессии. Такое положение дел порождало контрабанду, в которой наряду с местными жителями участвовали португальцы, голландцы, французы и англичане.

После войны за испанское наследство (1702–1713 гг.) и утверждения на престоле в Мадриде Бурбонской династии французские купцы добились от испанского короля контракта – «асъенто» на завоз негритянских рабов (два судна в год), получив право покупать на вырученные деньги коровьи шкуры, вяленое мясо и говяжий жир. За ними последовали англичане, основавшие две торговые фактории. В 1762 г. португальцы и англичане направили к берегам Рио-де-ла-Платы корсарскую экспедицию, но она не смогла закрепиться на берегах Ла-Платы.

Только в 1776 г. Мадрид разрешил испанским колониям в Америке торговать между собой, однако табак и игральные карты оставались королевской монополией. В этом же году генерал Педро де Севальос, отвоевавший Колониа де Сакраменто у португальцев, был назначен первым главой отдельного вице-королевства Рио-де-ла-Платы. Два года спустя, когда Севальоса на посту вице-короля сменил Хуан Хосе Вертис, Буэнос-Айрес добился права торговать со всеми частями Испанской империи. Так закончилась эпоха административной и торговой зависимости этих мест от вице-королевства Перу.

В 1785 г. в Буэнос-Айресе была создана собственная аудиенсия, осуществлявшая судебную и отчасти административную власть, а в 1794 г. – торговое консульство. Еще раньше (в 1782 г.) вице-королевство было разделено на восемь интенденсий (территориальных округов) во главе с интендантами, назначавшимися королем. Четыре из них располагались в регионе Верхнего Перу, Парагвай составлял пятую, непосредственно в будущей Аргентине находились: Сальта – на севере, Кордоба – на востоке и Буэнос-Айрес в дельте Ла-Платы, откуда суперинтендант управлял также и «прибрежными провинциями». Монтевидео оставался крепостью, подчиненной отдельному военному губернатору.

В эпоху вице-королевства в Буэнос-Айресе и Сальте возникли фабрики по выделке шкур, солению и консервированию мяса. В 1795 г. была разрешена торговля с колониями других государств, а в 1797 г. – торговый обмен с нейтральными странами. Практически весь XVIII век, а в особенности период вице-королевства, был периодом борьбы местного населения за коммерческие интересы,

связанные с возможностью свободно торговать производимыми товарами, т.е. за устранение препятствий, созданных испанской метрополией, и за экономические права креольской буржуазии на получение торговой прибыли.

Таким был исторический фон начала борьбы Рио-де-ла-Платы за свою независимость, которую возглавили люди, чьи судьбы стали предметом повествования в данной книге: Мануэль Бельграно, Хуан Мартин де Пуэйрредон, Карлос Мария де Альвеар.

МАНУЭЛЬ БЕЛЬГРАНО
Экономист, революционер,
генерал, дипломат
(3.06.1770–20.06.1820)

Человек есть сын своих деяний.

Испанская поговорка

Отец Мануэля Бельграно — дон Доменико Бельграно Пэри, итальянец, родившийся в 1731 г., происходил из зажиточной генуэзской семьи, пустившей корни в области Лигурия. В 1750 г. он, получив разрешение испанских властей, отплыл из Кадиса в вице-королевство Рио-де-ла-Плата с целью заняться коммерческой деятельностью. Обосновавшись в Буэнос-Айресе и наладив свое дело,

Бельграно заключил в ноябре 1757 г. брак с креолкой Марией Хосефой Гонсáлес Касéро. Семья проживала в большом доме в центре колониальной столицы на улице Санто Кристо (сейчас площадь 25 Мая). Четвертый сын Доменика, которому волею судьбы

было суждено стать героем борьбы за независимость Латинской Америки, появился на свет 3 июня 1770 г. При рождении он получил имя Мануэль Хоакын дель Корасón де Хесус.

В 1786 г. после усвоения зачатков латыни и философии в привилегированном коллегии Сан Карлос Мануэль по желанию родителя направился в Испанию для «обучения коммерции и возвращения с товарами в эти земли»⁴. Однако судьба уготовила юноше другую роль — он вернется в Буэнос-Айрес, впитав в себя революционные идеи того времени, для того, чтобы стать одним из основателей политической и духовной независимости своей родины.

Пока же в ноябре того же года Мануэль Бельграно Пéрес (так к тому времени на испанский манер была изменена материнская фамилия его отца) поступил в Университет Саламанки, где провел несколько лет, изучая юриспруденцию. Университет, считавшийся одним из лучших образовательных учреждений Испании, насчитывал около 80 профессоров. Согласно уставу руководство университетом осуществлялось ректором и коллегией, образованной из числа преподавателей, хотя фактически оно постоянно оспаривалось ученым советом, в котором доминировали монахи и священники, читавшие различные курсы теологии, канонического права, философии и риторики. По понятной причине в аудиториях господствовали схоластика, а среди студентов — невежество и анархия. Хирургия, астрономия, математика, греческий язык считались редкими дисциплинами, которые зачастую некому было преподавать. «Живые» иностранные языки, история и география не преподавались вообще. Вместо национальных законов изучалось «мертвое» римское право.

В 1769–1771 гг. граф Арáнда предпринял попытку провести реформу образования. В университеты, в частности в Саламанке, были назначены директора из членов высшего административного органа империи — Совета Касти́льи. Однако у них не было ни опыта, ни желания, ни времени заниматься исполнением дополнительных обязанностей. Поверхностный характер бюро-

⁴ *Gondora L. R. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 19.*

кратических преобразований привел к реформам ради реформ, не улучшив качество обучения. Титулы бакалавров, лицензиатов и докторов носили чисто номинальный характер и не были подкреплены реальными знаниями.

Как и повсюду в тогдашней Испанской империи, господствовала имитация деятельности, свидетельствующая о приближавшемся крахе всей государственной машины. Современники вспоминали, что при защите докторских дипломов со всей серьезностью обсуждались вопросы, сколько ангелов могло бы уместиться на кончике иглы или сколько пользы либо вреда могло бы принести человеку обладание одним пальцем больше или меньше.

По признанию самого Бельграно, в годы его пребывания в университете там не было преподавателей с известными обществу заслугами и громкими именами. Даже Академия политической экономии — дисциплины, вызывавшей у него повышенный интерес, была образована только в 1789 г., когда он уже покидал стены этого учебного заведения. Поэтому полученные познания стали результатом самостоятельных усилий в последующий период, когда он, находясь при дворе, всерьез заинтересовался экономикой, вошедшей в моду благодаря министрам-реформаторам Кампоманесу и Ховельяносу.

Фундаментальными трудами, опубликованными к тому времени и противостоящими господствовавшей в правящих кругах Испании теории меркантилизма (точнее, учению о «третьей, или мягкой, фазе» меркантилизма и связанного с ним протекционизма), которую защищали такие высокопоставленные чиновники, как Херónimo де Устáрис и Бернардо де Ульба, были сочинения А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» и Д. Рикардо «Принципы политической экономии и налогообложения», продвигавшие постулаты капитализма, превратившегося в одну из главных идеологических опор грядущих революционных изменений. Во Франции получили распространение идеи физиократов, наносившие удар по концепции протекционизма.

Зрелище придворной камарильи, окружавшей вступившего на престол Карлоса IV, поразило Бельграно. Королевский двор, по выражению самих испанцев, являл собой «болото, скрытое

за внешностью сада», где процветали пороки, интриги и корысть и правили бал фавориты. Один из них, Мануэль Годой, прославился тем, что в открытую и беззастенчиво торговал протекцией, используя свою близость к королеве. Все это вызывало внутренний протест у «американца» Мануэля Бельграно. К счастью, он не претендовал на должностные синекуры, будучи материально обеспеченным человеком, и не конкурировал со столичной знатью, собираясь начать свое дело в далекой Вест-Индии. В литературных и философских кружках, которые посещал молодой креол, его внимание привлекли книги картографа Алькала Гальяно, итальянского экономиста Фердинандо Галиани, итальянского писателя и философа Антонио Хеновеси, французского математика, философа и экономиста Кондорсэ.

Пользуясь щедростью отца, он не отказывал себе в путешествиях, посетив испанские провинции Кастилью, Леон и Галисию, стал изучать современные языки, освоив французский и английский (в дополнение к итальянскому, которым владел в совершенстве). В 19 лет его избрали председателем (президентом) основанной в 1789 г. в Университете Саламанки Академии римского права, врачебной практики и политической экономии.

Бельграно, возможно, был свидетелем созыва 30 сентября в Ретиро (район Мадрида) Кортэсов, которые затем были распущены. Депутаты на коленях просили прощения у короля. Газеты и даже армейские офицеры получили указание всесильного министра Флоридабланки хранить молчание о событиях, происходивших в соседней Франции. Усилилась цензура. Однако Бельграно предусмотрительно получил разрешение Святого престола на чтение запрещенных книг, что было не лишней предосторожностью, чтобы избежать преследования инквизиции. К этому периоду относятся написанные им позже в автобиографии слова: «Мой дух захватили идеи свободы, собственности и безопасности, поскольку вокруг были тираны, которые мешали человеку, кем бы он ни был, пользоваться правами, которыми его наделили Бог и природа»⁵.

⁵ *Belgrano M. Belgrano: autobiografía. P. 24.*

В 1793 г. в далекой Рио-де-ла-Плате крупные торговцы из среды «портеньос» (жителей Буэнос-Айреса, среди которых был и Доминго Бельграно Перес, отец Мануэля) ходатайствовали перед королем о создании «с целью содействия региональной коммерции» торгового консулата в столице вице-королевства. Воспользовавшись случаем и задействовав связи при дворе, Мануэль Бельграно направил прошение в Государственный секретариат с просьбой о своем назначении на должность секретаря указанного учреждения, которое и было удовлетворено 30 января 1794 г. В мае он уже прибыл к месту гражданской службы.

* * *

К моменту возвращения Бельграно в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата сложились два доминирующих центра — коммерческий в Буэнос-Айресе и университетский (академический) в Чукисаке, в которых формировались предпосылки и вызревали условия для будущей борьбы за независимость.

Буэнос-Айрес насчитывал к тому времени около 45 тысяч жителей, среди которых было немало испанцев и других иностранцев, а также зажиточных семей (преимущественно из местной обуржуазившейся аристократии), занимавшихся промыслами и торговлей (Маторрас, Эскалада, Сааведра, Сарратеа, Иригойен и других, призванных в силу их общественного и социального положения сыграть важную роль в эмансипации колонии). Как и в любом порту, здесь также существовала значительная прослойка из авантюристов всех мастей, контрабандистов, так называемых «орильерос», и люмпенов, тяготившихся колониальными порядками и готовых к неповиновению властям. В окружавшей город плодородной пампе, где потомки испанских крестьян превратились в вольнолюбивых пастухов — «гаучо», основным занятием было скотоводство, ставшее источником благосостояния и богатства для латифундистов — «асендадос», занимавшихся производством шкур и засолкой мяса.

Одним словом, благоприятный климат в совокупности с необъятными массивами прилегавших земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, характер населявших их оби-

тателей, доступность морских коммуникаций и доминирующее положение портового города над внутренними провинциями неизбежно выдвигали Буэнос-Айрес на первые роли в отстаивании уже сложившихся региональных интересов перед лицом метрополии.

Была подготовлена почва для принятия идей экономической свободы, привезенных Бельграно из Европы, которые он попытался изложить уже в первом годовом отчете консуладо в июне 1795 г. Вокруг него сразу образовалась группа единомышленников (Кастéльи, Морéно, Виéйтес, Серви́ньо и др.), разделявших физиократические взгляды.

12 лет (1794—1806) посвятил Бельграно работе в консуладо. Как всегда, сторонников нового было гораздо меньше, чем противников, в роли которых выступали посредники-монополисты, составлявшие большинство членов этой торговой палаты. Непонимание и бюрократические проволочки осложняли жизнь и отнимали почти все время секретаря. Ему было 24 года, юношеская увлеченность вызывала раздражение и сопротивление членов корпорации. Устав от борьбы, Бельграно в 1796 г. под предлогом болезни подал в отставку. Консулы определили ему замену в лице нотариуса-регистратора, потребовав от короны права самим назначить следующего руководителя. Королевское правительство в Мадриде согласилось, но отказалось поддержать их кандидатуру, поставив у руля Кастельи.

Бельграно был восстановлен в качестве члена, успешно выиграв затем несколько коммерческих споров с властями на полуострове. Успех первого годового отчета подвиг его на новые инициативы: было получено согласие на введение в состав палаты представителей скотоводов — производителей шкур и соленого мяса, составлявших основу экспорта; под эгидой консуладо основаны архитектурная и навигационная школы, которые действовали вплоть до 1807 г.

Он перевел с французского языка «Принципы экономической-политической науки» (1796 г.), занявшись популяризацией изложенных в книге идей в местном обществе. В 1797—1802 гг. готовил и зачитывал очередные отчеты, пропагандируя учрежде-

ние дубильных производств и передовые технологии в этой сфере, выступал с лекциями в учрежденных им школах, продолжал совершенствовать собственные экономические знания, начал заниматься литературными опытами, переведя с английского «Прощание Вашингтона с народом Соединенных Штатов». В письме к одному из своих друзей сам Бельграно так отозвался о данном периоде: «Будем продолжать нашу работу, оставляя на суд времени ее результаты. Возможно, скоро появятся новые обстоятельства, чтобы о них узнали. Пока же нам остается получать удовлетворение от того, что мы поступаем так, как должны»⁶. Последние слова стали жизненным кредо Бельграно, переключаясь с девизом другого человека той эпохи, генерала Сан-Мартина, ставшего затем его близким другом.

В 1806 г. Рио-де-ла-Плата испытала на себе первые превратности новой войны с Великобританией. «Владычица морей» — индустриальная Англия упорно искала для своей мануфактурной продукции новые рынки, закрытые для нее в Европе по причине континентальной блокады, объявленной Наполеоном. В январе генерал Дэвид Бэрд оккупировал Капскую колонию на юге Африки. Спустя некоторое время коммодор эскадры сэра Хоум Пóфэм отправил в Рио-де-ла-Плату на свой страх и риск (не имея указаний правительства) военную экспедицию в 1600 штыков под командованием бригадира Гильермо Бересфóрда к берегам Ла-Платы. В июне после непродолжительного сопротивления Буэнос-Айрес был занят англичанами.

Бельграно, номинально являвшийся с 1797 г. капитаном ополчения, принимал участие в столкновениях у реки Риачуэло, после чего возвратился в Буэнос-Айрес, а затем сразу перебрался на другой берег в Восточную провинцию Уругвай, чтобы избежать принятия присяги, которую должны были приносить победителям местные власти. Ему не пришлось участвовать в освободительной экспедиции Сантьяго де Линьéрса, француза на службе испанской короны, возглавившего сопротивление оккупантам после бегства вице-короля Рафаэля Собремóнте. Однако после освобождения

⁶ *Gondora L. R. Manuel Belgrano: Una vida ejemplar. P. 58.*

столицы «портеньос» он сразу вернулся в Буэнос-Айрес, где был назначен сержант-майором (старшее офицерское звание в испанской армии между штабс-капитаном и подполковником) полка Патрициев, хотя вскоре был вынужден оставить службу, так как начальству стали известны его вольнолюбивые политические взгляды.

Колониальная эпопея англичан на этом не закончилась. Правительство в Лондоне в октябре направило в Рио-де-ла-Плату дивизию численностью в 4 тысячи человек под командованием другого военачальника сэра Самюэля Экмюти. С мыса Доброй Надежды в Америку отплыли еще 4,2 тысячи английских солдат с целью обогнуть мыс Горн и высадиться в Чили, зайдя перед этим в дельту Ла-Платы. Получив известие о разгроме Бересфорда, англичане решили усилить указанный контингент еще полутора тысячами бойцов и объединить их под началом генерала Уайтлэка для окончательного покорения Буэнос-Айреса. Атака английских войск была успешно отражена Линьерсом. 5 июля 1807 г. Бельграно принял участие в сражении в качестве адъютанта коменданта крепости.

Смена власти в Испании, когда Карлос IV был вынужден уступить престол своему сыну Фернандо VII, пленение королевской семьи в Байбоне и последовавшая затем французская интервенция на Иберийский полуостров заставили жителей колонии задуматься над собственной судьбой. Эволюция взглядов местной элиты, частью которой был экс-секретарь консулата, проходила постепенно. Так, в 1807 г., беседуя с пленным английским генералом Крауфбрдом, Бельграно говорил о том, что жители провинции проявляли лояльность к королю и хотели прежнего правителя и никакого другого. Годом позже он напишет уже об идеях свободы, о том, что американцы начали осознавать и обсуждать свои права. Группа патриотов с его участием ввязалась в интригу, предусматривавшую провозглашение независимости Рио-де-ла-Платы и воцарение здесь сестры Фернандо VII, принцессы Карлоты Хоакины де Бурбон и Парма, которая находилась в Рио-де-Жанейро, будучи женой наследного принца Португалии дона Жуана IV. От имени группы Бельграно вступил с ней в переписку, продол-

жавшуюся несколько месяцев, изложив свои идеи в виде диалога испанца с американцем — апологии образов абсолютизма и независимости. Однако верность Линьерса плененному во Франции монарху поставила точку в этой опасной затее.

В 1809 г. Центральная Хунта в Испании назначила новым вице-королем Рио-де-ла-Платы дона Бальтазара Идальго де Сиснэроса. Одной из причин данного решения было желание прекратить соперничество между губернатором Монтевидео, обязанности которого исполнял Франсиско де Элио, и вице-королем Линьерсом, возникшее на почве торговой конкуренции. Как раз перед этим Бельграно представил Линьерсу меморандум, доказывавший необходимость открыть Буэнос-Айрес для свободной торговли, с тем чтобы ослабить влияние Монтевидео и направить сюда товарные и денежные потоки из Лимы, столицы вице-королевства Перу. За данным, казалось бы чисто коммерческим, проектом стояли далекоидущие планы — торговля должна была дать средства, необходимые для содержания и вооружения креольского ополчения, сохранившегося как военная единица со времен английской интервенции. Эти силы в случае необходимости могли бы использоваться против испанцев. Кроме того, требовалось объединить усилия с единомышленниками в Перу.

Предложение было поддержано кабилдо Буэнос-Айреса, консуладо, объединениями торговцев и асендадос. Интересы последних представлял молодой адвокат Мариано Морéно, автор «Меморандума землевладельцев», защищавший принципы свободной торговли, пропаганду которых Бельграно начал еще 13 лет назад. Вице-король, не имевший войск и поэтому не обладавший реальной властью, не смог заблокировать инициативу, и Буэнос-Айрес был открыт для торговли с Англией.

С целью активизации деятельности революционеры создали секретное «Общество семи», куда вошли Бельграно, Родригес Пенья, Пáсо, Виéйтес, Иригóйен, Кастéльи и другие представители «портеньос». В январе Бельграно с согласия Сиснероса начал издавать газету «Коррéо де Комéрсиио», которая быстро переключилась с первоначальной общеобразовательной тематики на распространение либеральных политических и экономических идей.

В номерах печатались его статьи, сдержанные по форме (в связи с необходимостью говорить о защите прав плененного короля), но революционные по содержанию, посвященные коммерции, промышленности, статистике, образованию.

* * *

После революционных событий 25 мая 1810 г. Бельграно, будучи избранным членом хунты, прекратил исполнение функций редактора, но продолжил публикацию в ней своих опусов вплоть до апреля следующего года, когда газета была закрыта. В них ощущалось влияние философии сенсуализма (работ Кандильяка), прежде всего тезиса о моральной ответственности индивидуума как основе индивидуальной политической и экономической свободы. Получили развитие идеи Хеновеси о комбинации метода абстракций с изучением особенностей каждой страны, что, как считал автор, было абсолютно необходимым для достижения процветания государства и счастья его граждан.

Он полагал истинным утверждение итальянца о том, что интерес может рассматриваться как единственная движущая сила человеческой деятельности, включая экономику. Соглашался с Ховельяносом, что законы должны лишь устранять препятствия, ограничивающие действие этой эмпирической категории, отстаивая свободу конкуренции и выступая против монополии в любом проявлении, будь то ценовая политика или манипуляции с предложением объектов потребления. Также разъяснялись тезисы Адама Смита о роли золота и серебра как меры стоимости и инструмента обращения товаров. Вывод английского ученого об установлении справедливой цены через баланс спроса и предложения представлял для Бельграно незыблемую аксиому экономической науки. Концепции физиократов, усвоенные через труды Галиани, проявились в словах креольского экономиста о том, что только сельский труд, освобожденный от всех искусственных помех и ограничений, является истинным предназначением человека и источником прибавочного продукта (через коммерцию). Осуществление торговой политики, по его мнению, было, есть и будет прерогативой государства, поскольку от ее воплощения

зависело состояние дел в сельском хозяйстве и промышленности. В своих экономических исследованиях Бельграно доказывал необходимость освобождения производителя, будь то хлебопашец, скотовод, а также коммерсант, от конкуренции с недобросовестными привилегиями, полученными другими хозяйствующими субъектами с использованием политических методов.

Приведенные примеры как нельзя лучше отражают связь суждений Бельграно с постулатами европейских мыслителей, показывают, что основой политико-экономического мировоззрения инсургентов, оказавшего влияние на формирование идеологической базы событий 25 Мая, были теории раннего капитализма, а сама революция в Рио-де-ла-Плате носила не только антиколониальный, но и ярко выраженный буржуазный характер.

В начале мая в Буэнос-Айресе стали известны последние события в метрополии: победа французов при Оканье, роспуск Центральной Хунты, создание Регентского совета в Кадисе. Хотя местные власти прилагали все усилия для изъятия газет, привезенных на английском фрегате «Париж», они стали известны членам секретного общества. Момент был признан подходящим. Стало ясно, что Буэнос-Айрес имел не меньше прав, чем далекий Кадис, для того, чтобы самому определять свою дальнейшую судьбу. Настало время действовать, поскольку не исключалось, что не имевший реальных военных сил вице-король мог обратиться за помощью в Лиму и Сантьяго и, опираясь на полученные подкрепления, разоружить местные креольские формирования, на поддержку которых рассчитывали инсургенты.

В ночь на 19 мая в доме Родригеса Пеньи состоялась встреча, в которой приняли участие 12 человек (Бельграно, Кастельи, Пасо, Альбэрти, Чиклана, Виейтес, Даррагэйра и др.). Было согласовано, что на следующий день Бельграно и командир полка Патрициев Сааведра встретятся с алькальдом с правом решающего голоса Хуаном Лесикой, а Кастельи проведет беседу с ревизором кабильдо Хулианом Лейвой, чтобы потребовать созыва расширенного «открытого» заседания с привлечением граждан, участие которых должны были обеспечить Бельграно, Френч и Берути. Вице-король Сиснерос после долгих колебаний, после

того как местные военные (прежде всего Сааведра и полковник Мартин Родри́гес) фактически отказали ему в поддержке, согласился на созыв городского совета, хотя и попытался обставить его рядом условий. 21 мая под напором толпы, которой руководили революционеры, члены кабиљдо объявили о своем согласии. Однако развернувшиеся на следующий день дебаты закончились компромиссом — вместо отстранения вице-короля и перехода всей полноты распорядительных функций к кабиљдо была создана хунта во главе с Сиснеросом. После того как стали понятными уловки сторонников сохранения режима, патриоты в ночь на 24 мая вновь собрались в доме полковника Родригеса Пеньи. Под влиянием Бельграно и других радикалов было принято окончательное решение — добиваться с опорой на население столицы смещения колониальных властей. 5 мая народ снова вышел на площадь. Лейва попытался отсрочить принятие главного требования, заявив о необходимости созыва конгресса с участием других провинций, но, столкнувшись с прямыми угрозами толпы и примкнувших к ней креольских военных, был вынужден уступить, подчеркнув при этом, что у кабиљдо не было другого выхода. Родригес объявил об отстранении вице-короля. Очередная попытка некоторых членов кабиљдо собрать подписи против озвученного вердикта чуть не закончилась насилием. Была создана Правительственная хунта, куда вошли Сааведра в качестве президента, Бельграно, Кастельи, Аскуэнага, Альбэрти, Матеу и Ларре́а как члены, а Пасо и Морено — как секретари. Хотя целью ее деятельности провозглашалась защита прав находившегося во французском плену испанского короля, ни у кого не было иллюзий относительно истинных намерений нового руководства Рио-де-ла-Платы.

* * *

По распределению обязанностей военные дела и образование отошли к Бельграно. Им на базе консулата и навигационной школы была создана (хотя и с преимущественно военными целями) академия математики. Поскольку существовала угроза реванша испанцев, укрепившихся в Монтевидео, а также в северных про-